

Опубликовано на Швейцария: новости на русском языке (<https://nashagazeta.ch>)

Грегг Робинс: Банкир, бард и одессит |

Auteur: Надежда Сикорская, [Женева](#) , 08.07.2009.

Ах, Арбат, мой Арбат... (Фото из личного архива)

Финансист-международник любит русскую баню, фильм «Ирония судьбы, или с легким паром» и мечтает посетить город у Черного моря.

|

Мое знакомство с управляющим директором по России и Восточной Европе швейцарского частного банка Union Bancaire Privée (UBP) Греггом Робинсом началось в сугубо официальной обстановке – встреча в банке, он в костюме, и я, для разнообразия, не в джинсах, обмен карточками... У него карточка двуязычная, с одной стороны по-английски, на другой - по-русски, в частности, фамилия, имя и ... отчество: Робинс Григорий Яковлевич. Что, согласитесь, забавно. С выяснения этого пункта и начался, после двух-трех вступительных фраз, собственно разговор, который быстро перешел с общих слов на личности и с английского языка на

русский.

- Мой дедушка – из Одессы! – сразу сообщил мне г-н Роббинс, и прозвучало это не менее гордо, чем если бы его предок был президентом США или, по крайней мере, лауреатом Нобелевской премии.

Дальше выяснилось, что дедушку вывезли из Одессы в Бронкс в двухлетнем возрасте еще до революции, так что внуку про свою Родину он ничего рассказать не мог, да и по-русски не говорил – его родители, как и многие иммигранты, стремились скорее ассимилироваться. А когда хотел скрыть что-то от детей, общался с женой на идише.

Так что Грегг Робинс рос себе в Бронксе – «мы с родителями на четвертом этаже, бабушка с дедушкой на первом» - типичным американским мальчишкой, о корнях своих мало что знал, да и не интересовался. Интерес проснулся неожиданно, в 1986 году, уже после смерти деда, когда в далекой и неизвестной России, тогда еще СССР, наступили новые времена.

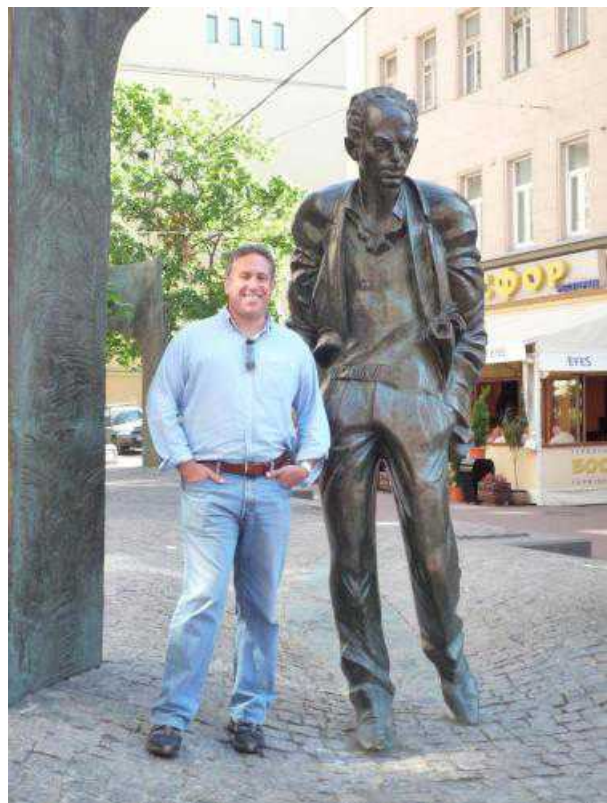
- Как раз тогда я получил стипендию для учебы в Оксфорде, и там-то и решил начать учить русский. А немного позже известный профессор-экономист Майкл Кейзер посоветовал мне не просто освоить язык, а вообще ориентироваться на Россию, - рассказывает Грегг Робинс.

Русскому его учил не кто-нибудь, а Мария Андреевна Толстая, не однофамилица, а внучка Льва Николаевича. Грегг вспоминает о ней как о «старухе с характером», три раза в неделю приобщавшей его к великому и могучему.

Наша газета: Грегг, Вы, конечно, знаете строки Маяковского «Я русский бы выучил только за то, что им разговаривал Ленин». Понятно, у Вас были другие причины. Можете ли Вы сейчас, оглядываясь назад, сформулировать, какие именно?

Грегг Робинс: Если честно, начал я учить русский из чисто практических соображений – понятно было, что политические изменения в СССР открывают

большие перспективы. Но в процессе изучения пришло какое-то ощущение языка, вкус к нему. Возможно, это прозвучит пафосно, но я почувствовал, что этот язык мне не чужой, что я не просто постигаю его как иностранец, а возвращаюсь к нему через несколько поколений.

Просто знание языка в наше время, как говорится, уже не профессия...

Конечно, но через язык пришел интерес к стране вообще, к ее культуре, людям. Я всегда любил музыку, с 9 лет играл на кларнете, позже на саксофоне. А в 1991 году, получив степень магистра в Оксфорде, подарил сам себе гитару – и обрел часть своего сердца. Песни Булата Окуджавы, Виктора Лозы, Александра Розенбаума, Олега Митяева и, в меньшей степени, Владимира Высоцкого вошли в мою жизнь и заняли в ней прочное место. Это очень разная, прекрасная, душевная музыка, в которой меня трогает все – и мелодии, и слова. (Заметим, что Грегг Робинс не только слушатель, но и композитор и исполнитель – интересующиеся могут послушать его песни вот [здесь](#).)

В Вашем семейном альбоме фотография рядом с памятником Булату Окуджаве в Москве. А лично с кем-то из Ваших кумиров не доводилось встречаться?

Доводилось! С Булатом Окуджавой я встречался в 1989 году в Америке, с Розенбаумом имел удовольствие побеседовать в 1990 году, после его концерта в Октябрьском зале в Ленинграде, а с Митяевым познакомился недавно в Москве.

Песни, музыка – все это хорошо, но ведь уже в 1989 году Вы побывали в СССР, и с тех пор бываете регулярно. Неужели Ваш идеал не разбился при столкновении с реальностью, которая, согласитесь, была и остается не самой радужной?

Не разбился, представьте себе! Конечно, в 1989 году положение было ужасное, все было по талонам, а впереди – неизвестность. Да, я был потрясен странной для меня манерой людей общаться между собой, например, обращением к людям по половому

признаку: «Эй, мужчина, подвиньтесь» или: «Девушка, передайте билетик», причем «девушка» могла быть как 15, так и 70 лет. Некоторое время потребовалось для постижения феномена очередей, которые с невероятно скоростью формировались из людей, часто даже не знавших, за чем стоят! Ничего, со временем я тоже научился быстро реагировать и спрашивать «Кто крайний?» Но при этом, и это было гораздо важнее, я познакомился с изумительными людьми, открыл для себя целый неожиданный мир советских анекдотов, постепенное понимание которых помогло мне и лучше понять, что происходило вокруг, ведь в те времена именно в анекдотах наиболее емко и точно отражалась жизнь. Так, через анекдоты и музыку, я полюбил и прочувствовал Россию. Начал собирать русскую библиотеку, песенные сборники, целые тома анекдотов.

Да, анекдотов тогда было много, россияне были очень критично настроены и к себе,

и к правительству и, как ни странно, не особенно это скрывали. У американцев такое не принято, Вас это не раздражало?

Нет, тут даже не в этом дело. Тогда, с началом перестройки, многие люди как-то сразу решили, что дома все плохо, а где-то там, «на Западе», все, по определению, хорошо. Они захотели немедленного прихода капитализма, мало понимая, что это такое, и готовы были забыть свои обычаи, культуру. Меня не раздражало, нет, но огорчало, когда мои знакомые, интеллигентные люди – врачи, преподаватели – с гордостью сообщали, что их дети устроились работать в МакДональдс, например, и хвастались их зарплатами. Но сейчас это все меняется.

Вот именно, и даже, по мнению некоторых аналитиков, в обратную сторону. Не кажется ли Вам, что сейчас в России можно наблюдать этаким патриотический перегиб, выливающийся в национализм, крайние проявления которого, увы, граничат с шовинизмом и ксенофобией?

Увы, это так. После тяжелейшего кризиса, случившегося в 1998 году в России, наступила реакция и, как обычно в таких ситуациях, поиски виноватых. Но там бывает не только в России. Президент Обама сказал во время своей предвыборной

кампании, что правительство США не способно посмотреть на себя в зеркале, а потому все время ищет виновных где-то на стороне. Возможно, эти слова можно отнести и к России, где правительству пора взять на себя ответственность за происходящее.

Ну, насчет зеркала, задолго до высказывания президента Обамы появилась гораздо более прямолинейная русская поговорка «Неча на зеркало пенять, коли рожа крива», которую Гоголь взял эпиграфом к своему «Ревизору». Но в высокой дипломатии подобные выражения, конечно, неприемлимы. Однако вернемся к Вам. Что Вы считаете своими главными достижениями в жизни?

Моих трех дочерей, звание «Профессора года», которое мне присвоили студенты нью-йоркской Stern School of Business, где я преподавал в 2006 году, а также то, что написанная мною за два дня до выборов Барака Обамы песня [«Утро в Америке»](#), прозвучала на инаугурационном балу перед десятитысячной толпой!

Не будет преувеличением сказать, что неожиданное возвращение к корням, изучение русского языка не только подарили Вам любовь к России, но и определили Ваши профессиональные выборы и всю дальнейшую карьеру?

Совершенно верно. В Оксфорде я специализировался на финансовых и банковских системах, диссертацию написал на тему «Банковская система в СССР», затем защитил докторскую. Мне очень хотелось как следует доучиться, поэтому по молодости лет я отвергал предложения о работе, но поскольку деньги были нужны, занимался консультациями. Так продолжалось до 1996 года, когда буквально на следующий день после защиты я вышел на работу в Citibank.

Все сентиментальные иностранцы, к которым, я думаю, можно отнести и Вас, любят российские посиделки на кухнях, песни под гитару и так далее. Но вот не страшно ли Вам было начинать деловые отношения со страной, которую в конце 1990-х западная пресса описывала как царство тотальной коррупции и беспредела?

Страшно не было! Не забывайте, я ведь все же парень из Бронкса, а не тепличный цветок, могу постоять за себя в случае чего. Хотя все друзья, правда, отговаривали, говорили, опасно. Но тогда преступления, связанные с бизнесом, касались только людей очень высокого уровня, а я только начинал. Тем более, я никогда не жил постоянно в России, хотя бывал и бываю там очень часто. Сначала я работал в Citibank, и именно по этой линии впервые приехал в Швейцарию в 1998 году. Затем

был консультантом в группе Альфа в Москве, разрабатывал новые направления бизнеса, после этого – в компании Ernst & Young. Между тем в Нью-Йорке познакомился с Ги де Пиччиотто, совладельцем банка Union Bancaire Privée (UPB), и вот, с апреля 2007 года работаю в Женеве.

В свете ведомых в Швейцарии дискуссий относительно банковской тайны и начавшегося движения за отмены фиксированного налогообложения, считаете ли Вы, что эта страна по-прежнему привлекает клиентов из России?

Безусловно, интерес к швейцарским банкам у обеспеченных россиян еще существует. Сколько продлится эта ситуация и каким образом она будет меняться – никто не знает. Как принято у вас говорить, «поживем – увидим».

Россия, как и большинство стран мира, переживает сейчас экономический кризис. Каким Вам представляется ее будущее?

Я вообще по жизни оптимист, поэтому и будущее России мне видится позитивным. Но нельзя получить все и сразу. Я полностью согласен с тем, что сказал Анатолий Чубайс на недавнем международном экономическом форуме в Санкт-Петербурге. Его мысль сводилась к тому, что «рыночная экономика появилась в России 20 лет назад, и сейчас мы только закончили среднюю школу». Главное – не останавливаться на достигнутом, не отчаиваться, а поступательно двигаться вперед.

А что впереди у Вас, есть ли какие-то нереализованные мечты?

Есть, их две: дождаться выхода моего первого персонального диска (надеюсь, это произойдет уже в конце 2009 года), побывать в Одессе и потом, когда-нибудь, написать книгу о русской бане.

Желаю Вам осуществить все эти проекты и обещаю, что как только книга о бане появится в печати, мы обязательно разместим ее на нашей «[Книжной полке](#)».

[Женева](#)

Source URL:

<https://dev.nashagazeta.ch/news/les-gens-de-chez-nous/gregg-robins-bankir-bard-i-odessit>